

Секреты ее молодости

Известия. - 2000. - 13 нояб. - с. 6.

Страна отметила юбилей любимой звезды

В нашем кино нет другой актрисы, которая была бы так неотделима от времени и так его выразила. Причем не только ролями, но и жизнью. Людмила Гурченко имела право в своей новой песенной программе попрощаться с целым веком, и вчера миллионы людей сели к телевизорам, чтобы вспомнить все хорошее.

Валерий КИЧИН

Харьковское детство Гурченко, многократно ею описанное, переполнено контрастами: нищета послевоенного быта — и роскошь «Девушки моей мечты» на киноэкране. Она пела и «Эх, Андрюша, нам ли быть в печали...», и «Ин дер нахт ин дер менш них гер аляйне» — и мир ее был просторен, потому что простирался от мерзлой коммуналки до прекрасной мечты из цветной музыкальной сказки. Этот простор с наивной верой человека чистого она принесла в «Карнавальную ночь», убежденная, что и жизнь впереди лежит прекрасная. Ее сразу все полюбили, и не только за красивые глаза и тонкую талию. В кино тогда ходили как в страну грез и не хотели «суровой правды жизни». Грезы заменяли программу действий целому государству. «Карнавальная ночь» казалась знаком того, что жизнь очеловечивается, а ее героиня — предвестием новой свободы.

Контрасты воспитали ее правильно: Гурченко стала и патриотом и «человеком мира» сразу. Ей до безумия хотелось играть всё — блокадную девочку в «Балтийском небе» и шикарный заграничный мюзикл в «Бенефисе», деловую советскую эмансипацию «Старых стен» и что-нибудь «испанское», как в «Романе и Франческе», чисто русскую бабью жалость «Вокзала для двоих» и чисто английскую разящую колкость

Всегда узнаваемая Людмила Гурченко

«Идеального мужа». Образы жизни переполняли душу и требовали выхода — как в любом большом художнике.

Среди ее работ есть проходные и есть принципиальные, этапные для нашего кино, а с точки зрения актерского масшта-

ба — великие: «Рабочий поселок», «Семейная мелодрама», «Двадцать дней без войны», «Сибириада», «Пять вечеров»... Здесь

Гурченко — грандиозная драматическая, даже трагедийная актриса, причем по тонкости, проникновенности и музыкальности письма ей нет равных. Профессионализм ее филигранен и вошел в легенды, но точный интуитивный расчет всегда замешен на личном знании этих драм и трагедий жизни — ее игра исповедальна, интимна, доверительна. Потому что она сама прошла все это — и холод детства, когда брела к обледеневшей проруби за водой, и подлость, когда предают близкие люди, и нелепость, которая может обрушить все надежды. Знает она и тупую тяжесть парового катка, которым советские чины прошлись по ее судьбе человека и актрисы. Но она упряма и, сделав свою судьбу, вправе сказать о ней словами героини из «Пяти вечеров»: «У меня в жизни было много счастья, дай Бог каждому».

Предать все пройденное она не может и классово ненавидит тех, кто легко отбросил и судьбу, и историю, словно их не бывало. Но и при слове «коммунисты», которое многим кажется альтернативным, заводится с пол-оборота: «Меня при виде Зюганова в дрожь бросает!»

Сыграв многое, она все равно чувствует себя нереализованной. Пересмотрите «Бенефис», мюзиклы «Небесные ласточки» и «Секрет ее молодости», водевили «Соломенная шляпка» и «Красавец мужчина». Если бы в Госкино СССР думали не о тематических планах к юбилею Октября, а о возможностях наших актеров, мы имели бы звезду мюзикла; равную по славе Лайзе Миннелли или Барбре Стрейзанд, а возможно, и превосходящую их по универсальности таланта. Гурченко просто не довелось сыграть свои «Кабаре» и «Хелло, Долли!». И она ощущает это как личную драму. Год назад мечту частично осуще-

ствила — сыграла «Бюро счастья», свой первый сценический мюзикл. В нем она появляется рядом с Гедимином Тарандой и Николаем Фоменко. И в зале полно молодых.

Есть и третья ипостась одного лица: Гурченко восхитительна на эстраде. Ее телеконцерты «Песни войны» и «Любимые песни» разворошили историческую память людей. Ее сценические шоу — это спектакли одного актера, где она — сценограф, художник по костюмам, исполнительница всех музыкально-пластических номеров и собеседник для całego зала.

Есть ипостась четвертая: ее книги написаны собственноручно, причем талантливо, — в них она вместе с читателем заново проживает свое время, которое отрывать от себя не может и не хочет.

Есть и пятая: пишет песни, начиная с обруганного критиками «Дня Победы» и кончая лирикой, звучащей в ее концертах и на ее дисках.

Принято считать: артиста делает хороший режиссер. Так зазвучали на экранах Любовь Орлова и Марина Ладынина, так возникла из маленьких тизовских ролей великая Инна Чурикова. Их вовремя увидели, им вовремя дали шанс, и потом растили бережно, как редкий цветок. С Гурченко — все иначе: она сделала себя сама. Вопреки обстоятельствам и подножкам судьбы. Сама открывала грани своего дара, и тогда ее звали лучшие режиссеры — Алексей Герман, Никита Михалков, Эльдар Рязанов, Петр Тодоровский, Андрон Кончаловский... Она знает, что многое недоговорила, и пыталась об этом прокричать в фильме «Послушай, Феллини!», но ее не услышали.

Она сама построила свой уникальный художественный мир. И миллионы людей открыли ей сердце.